

«Нас четверо»

Образы О. Мандельштама,
М. Цветаевой и Б. Пастернака
в цикле «Венок мертвым» А. Ахматовой

© Л.Л. БЕЛЬСКАЯ,

доктор филологических наук

В статье анализируются стихи А.Ахматовой из цикла «Венок мертвым», посвященные поэтам О. Мандельштаму, М. Цветаевой и Б. Пастернаку.

Ключевые слова: поэт, поэтесса, поэты, стихотворение, стихи, посвящение, цикл, двойник, друзья, сердце.

DOI: 10.31857/**РЫБА**!!6190000355-6

The article gives the analysis of the poems from the cycle «Wreath to dead people» by A.A. Akhmatova devoted to the poets O. Mandelstam, M. Tsvetaeva and B. Pasternak.

Keywords: poet, poem, dedication, cycle, twin, friends, heart.

Так озаглавила Анна Ахматова свое стихотворение 1961 года, включенное в цикл «Венок мертвым» (1938–1961). На это заглавие, вероятно, натолкнуло ее обращение Б. Пастернака к друзьям Маяковскому, Асееву «Нас мало. Нас, может быть, трое...» (1921). Она даже использовала тот же стихотворный размер — 3-стопный анапест, но выбрала других героев, близких ее душе и уже ушедших из жизни — Осипа Мандельштама, Марину Цветаеву и Бориса Пастернака. Примечательно, что каждого из троих поэтесса помняла по отдельности согласно датам их ухода из жизни (1938, 1941, 1960).

Первым она отпела Мандельштама, погибшего в пересыльном лагере в конце 1937 года, о чем они с его женой долго не знали, и потому

поминальное стихотворение «Над ними склонюсь, как над чашей...» написано только через 20 лет (1958). Двух поэтов связывала многолетняя «литературная дружба» (с 1916 по 1938) с взаимными цитатами, перекличками, иногда обидами — «взаимообидчивая дружба» (Р. Тименчик): «ахматовские уколы» и «столпничество на паркете».

Молодую Ахматову Мандельштам сравнивал с расинской Федрой и пророчицей Кассандрой, а ее зрелую лирику возводил к русской психологической прозе XIX века. Она не со всеми его суждениями соглашалась и считала, что любит его стихи больше, чем он. И ахматовская любовь, восхищение и сострадание и в прижизненном посвящении («А в комнате опального поэта / дежурят страх и Муза в свой черед» — «Воронеж», 1936), и в посмертном реквиеме: «Это пропуск в бессмертие твой». Она скорбит и перечитывает его тетради (книги не издаются), вслушивается в «черную нежную весть», вспоминает, как дышала воздухом над бездной в ночи «пустой и железной», нечто подобное когда-то писал Мандельштам о душе, висящей над бездной, о «бархате советской ночи, о бархате всемирной пустоты». У Ахматовой «наши проносятся тени над Невой», а он предлагал: «В Петербурге мы сойдемся снова», и над Невой сиял декабрь, и поэт то спускался в царство теней, то вступал в «хоровод теней, топтавших нежный луг». Этот нежный луг в финале ахматовского текста превратился в «загробный»: «Это голос таинственной лиры, / На загробном гостящей лугу». И еще Ахматова напоминает нам о мандельштамовской «тоске по мировой культуре», о его стихах про «голубку Эвридику» («кружатся Эвридики»), про похищение Зевсом Европы («Бык Европу везет по волнам»). А вслед за античными мотивами вдруг возникает воспоминание о «ключиках от квартиры», своей, а не чужой («Квартира тиха, как бумага»), к которой Мандельштамы так и не успели и не сумели привыкнуть. Так прощается Ахматова со своим другом, подчеркивая их близость и кровную связь (*наша юность, наши тени*).

В отличие от посмертных стихов, обращенных к Мандельштаму, посвящение Марине Цветаевой написано при ее жизни в 1940 году, перед первой их встречей в Москве, но дописывалось тоже через 20 лет (1961) после ее самоубийства и включено в «Венок мертвых». Название «Поздний ответ» намекало на цветаевский цикл «Стихи к Ахматовой» (1916), рукопись которого Ахматова долго хранила при себе и знала наизусть (а «Музу Плача» взяла себе в двойники), но так и не откликнулась. И вот в «Позднем ответе» на первый план выступает тема двойничества. Сначала в эпиграфе цитируются цветаевские прозвища Ахматовой «Белорученька моя, чернокнижница» (последнее относилось и к самой Марине). Потом в тексте героиня названа ахматовским двойником и «невидимкой», «пересмешником», который скрывается в «дырявом скворешнике», «прячется в черных кустах», мелькает на «погибших крестах», а то оказывается в «Мариинкиной башне», повторяя судьбу Марины Мнишек. Цветаева также любила игру в переодевания, как и

Ахматова («сто зеркал»). По словам Надежды Мандельштам, «Двойничество не только литературная игра, но и психологическое свойство Ахматовой, результат ее отношения к людям». Она видела своего двойника и в мраморной статуе, и в античных героинях (Кассандре, Антигоне), и в реальных женщинах (О. Судейкиной, М. Цветаевой). Такую лирику можно определить как «ролевую» (М. Гаспаров).

Ахматовская Марина кричит из башни о своем возвращении в Россию и о том, что здесь ее ожидало: «Погубила любимых пучина, / И разграблен родительский дом». Впоследствии Анна Андреевна признавалась, что не решилась прочесть собеседнице это стихотворение из-за «страшной строки о любимых», и прощаясь, перекрестила ее. В молодости Марина утверждала, что у нее и Анны «судьба одна». А через несколько десятилетий ее дочь Ариадна сопоставит их: «Марина была безмерна, Анна гармонична... Безмерность принимала (и любила) гармоничность другой, ну, а гармоничность не способна воспринимать безмерность». Не в этом ли причина столь «Позднего ответа»?

Вернувшись к нему через 20 лет, поэтесса представила ночную прогулку по Москве со своим двойником и жуткую картину шествия миллионов то ли живых, то ли мертвых.

А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет...
А вокруг погребальные звоны
Вьюги, наш заметающей след.

И вновь автор объединяет себя с героем (как с Мандельштамом, «окровавленная наша юность»), но на этот раз присоединяет к «нам» миллионы пострадавших и мучеников. Дописать эту концовку она смогла только с наступлением «оттепели».

Самые сложные и противоречивые взаимоотношения были у А.А. и Бориса Пастернака — от восторженных отзывов до безразличия и снисходительности, но в жизни он всегда сочувствовал и помогал ей. Преувеличенным же его восторгом о ее творчестве («изумительный поэт») она не очень доверяла, подозревая, что ее стихов он никогда не читал.

Однажды поэты обменялись дружескими посланиями — «Анне Ахматовой» (1929) и «Борис Пастернак (Поэт)» (1935). И надо признать, что она действительно лучше знала его поэзию, ее тематику и художественные особенности (внимание к деталям, предметному миру, метафоричность), а в его личности разглядела «вечное детство», «щедрость и зоркость светил». Пастернак же дал ей общую и приблизительную характеристику и сам был в ней не уверен («Мне кажется, я подберу слова, / Похожие на вашу первозданность»). Наиболее точными из них стали «прозы пристальной крупницы». Не приняли друзья главные произведения друг друга — «Поэму без героя» и «Доктор Живаго» («гениальная неудача»).

В 1947 году, в тяжелое для Ахматовой время, когда Пастернак ее всячески поддерживал, он и сам попал в нелегкое положение, и над ним сгустились тучи (проработки, негативные упоминания в прессе), ей захотелось сказать ему доброе слово, и она начала свое посвящение «Борису Пастернаку» с образа, напоминающего метафоры раннего поэта: «Осень валит Тамерланом». Ср. «Осень. Изжелта-сизый бисер нижится», «Омытый мглой лиловой / Садовый Сен-Готард». Однако продолжение последует только через 10 лет также с пастернаковскими мотивами, но из его поздних стихов — туманы, дожди, черные дороги, полустанки, тишина, оглохший мир.

И теперь, в 1958 году, Ахматова вспоминает еще одно стихотворение Пастернака, посвященное ей (из «Стихов Юрия Живаго»), «Гефсиманский сад» — о судьбе Иисуса Христа и его последних днях. Поэтесса, говоря о «могучей евангельской старости» и «горчайшем гефсиманском вздохе», намекает на судьбу Пастернака и, вероятно, на события вокруг Нобелевской премии:

Отдай другим игрушку мира — славу,
Иди домой и ничего не жди.

Через два года, находясь в больнице с инфарктом, Анна Андреевна узнала о смерти Бориса Леонидовича и посвятила ему «похоронные стихи», создав триптих, наподобие «Трилистников» своего учителя Ин. Анненского. Так появились второе стихотворение «Умолк вчера неповторимый голос...» и третье — «Словно дочка слепого Эдипа...» (июнь 1960). Второму предпослан пастернаковский эпиграф «Как птица, мне ответит эхо», и в ахматовском тексте поэт назван «собеседником рош». Его голос умолк, и стало тихо на земле, но расцвели все цветы, а «он превратился в жизнь дающий колос или в тончайший им воспетый дождь». В заключительной части миницикла тоже не ощущается трагизма: «собеседник рош» преобразуется в «провидца», а его Муза похожа на дочь слепого Эдипа (один из двойников Ахматовой), которая сопровождала его. А взамен цветов в «этом траурном мае» зацвела «одна сумасшедшая липа». Умерший поэт с юности верил, что перед ним

Вьется путь золотой и крылатый,
Где он вышею волей храним.

И делился этой верой со своей подругой.

После прощания с тремя друзьями-поэтами, с которыми беседовала Ахматова (*наши тени, мы с тобою, он поведal мне*), следует как итог «Нас четверо» (1961) с эпиграфами троих усопших о четвертой — живой: «Ужели и гитане гибкой / Все муки Данта суждены?» (О. М.); «Таким я вижу облик Ваш и взгляд» (Б. П.); «О, Муза Плача» (М. Ц.). А само стихотворение — это в сущности прощание автора с жизнью.

И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага. <...>
Все мы немного у жизни в гостях.
Жизнь — это только привычка.

И происходит воображаемая встреча с ушедшими близкими людьми. Вначале поэтессе чудится «на воздушных путях двух голосов перекличка». Это Мандельштам и Пастернак, стихи которых, как и «Поэма без героя», печатались в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути». А потом видится в зарослях у стены: «Темная, свежая ветвь бузины... / Это — письмо от Марины». Ахматова имела в виду цветаевское стихотворение «Бузина», в котором Марина признавалась в любви к бузинному кусту, готовая променять на него Дворец искусств, усматривая в бузине и кровь наших сердец, и «ягоды слаще яда», и «болезнь века».

Таким образом, в итоговом ахматовском послании к друзьям она по существу встречается с ними — слышит их голоса, получает письмо. Это значит, что пока мы у жизни в гостях, вместе с нами живут и люди, дорогие нашему сердцу.

*Цфат,
Израиль.*